

Таллинский университет  
Институт славянских языков и культур

# **STUDIA SLAVICA**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ МОЛОДЫХ  
ФИЛОЛОГОВ

**X**

Таллин 2011

# **STUDIA SLAVICA X**

Сборник научных трудов молодых филологов

Редакционная коллегия:

И.З. Белобровцева (Таллин)

Н.А. Богомолов (Москва)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И.П. Кюльмоя (Тарту)

Г.А. Левинтон (С.-Петербург)

Е.А. Погосян (Эдмонтон)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е.Н. Ремчукова (Москва)

Т.В. Скулачева (Москва)

Л.С. Флейшман (Стэнфорд)

Ответственные редакторы:

Антон Кюналь, Григорий Утгоф (литературоведение)

Инна Адамсон (лингвистика)

Таллинский университет

Институт славянских языков и культур

Нарвское шоссе, 25

10120 Таллин

Эстония

Отпечатано:

OÜ Vali Press

Авторское право: Григорий Утгоф, Инна Адамсон (составители)  
и авторы статей, 2011

Авторское право: Институт славянских языков и культур Таллинского  
университета, 2011

ISSN 1406-8990

---

## К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКИХ, ВЕПСОВ И КАРЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ АНДОМСКОГО ПОГОСТА

Антон Соболев (Архангельск)

Для многих районов Европейского Севера, где в настоящее время проживает в основном русское население и наличие прибалтийско-финского населения не зафиксировано документально, актуален вопрос о наличии или отсутствии прибалтийско-финского субстрата в языке и культуре и путях его выявления.

Особую актуальность подобного рода исследования имеют в Обонежье – историко-культурном регионе вокруг Онежского озера, территории с русским и прибалтийско-финским населением (карелами и вепсами). Это объясняется следующими причинами. Во-первых, вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно – только во второй половине XIX в., когда вепсская культура уже подверглась значительному «обрусению» (Винокурова 2007: 7). Кроме того, первые более или менее полные статистические данные о расселении неславянского населения в Олонецкой губернии появились только в 1840-х гг.

При таких обстоятельствах языковые данные служат ключевым источником для восстановления этнической истории края.

Территория, выбранная нами для изучения – Никольский Андомский погост, в XV-XVIII вв. – один из Заонежских погостов-округов в составе Обонежской пятины Новгородской земли (по современному административно-территориальному делению – территория севера Вытегорского района Вологодской области и юга Пудожского района Республики Карелия). Современное русское население данной местности имеет несомненный прибалтийско-финский субстрат в языке и культуре.

В настоящей статье нами на основе данных языкознания, подкрепленных археологическими данными и письменными источниками, сделана попытка реконструкции прибалтийско-финско-русского этнического взаимодействия в данной местности. Источниками для данной работы послужили писцовые книги XVI-XVII вв., топографические карты и планы, материалы Национального архива Республики Карелия (НАРК) и полевые данные автора (1996-2008 гг.).

**Данные топонимики.** По нашему мнению, субстратная топонимия андомского края имеет частью вепсское, частью карельское (собственно-карельское, ливвиковское и людиковское) происхождение<sup>1</sup>, вероятно, при преобладании первого.

Дифференцировать субстратные топонимы по происхождению на вепсские или карельские довольно сложно в силу близкого родства языков. По этой причине многие андомские топонимы допускают как карельскую, так и вепсскую интерпретацию<sup>2</sup>: Корбручей (вепс. *kor'b* «глухой лес», собств.-карел. *korbi* «дремучий, глухой лес; глушь»), Венегручей (вепс., собств.-карел. *veneh* «лодка»).

Сложная проблема дифференциации вепсских и карельских по происхождению топонимов может быть успешно решена на основании карело-вепсского противостояния в топоосновах, топонимных моделях или типах, а также в топонимных суффиксах (Муллонен 2002: 156-175; Муллонен 2003: 211-217).

С учетом дифференцирующих вепсских лексем, к андомским топонимам вепсского происхождения можно отнести следующие: Гапкара (-кара < вепс. *ka* «небольшой залив, бухта»), Гонжема, поляна (вепс. *hongžom* «сосновый лес»).

Вепсские (а не карельские) истоки, по всей видимости, имеют также -l-овые ойконимы, передаваемые через русскую модель -ичи/-ицы (Муллонен 2002: 170). Подобная -l-овая топонимия представляет собой след языка носителей приладожской курганной культуры X-XIII вв. (Муллонен 1994: 75, 122).

В Андомском погосте, по данным письменных источников XVII и XIX вв., имелись два подобных топонима: Гонгиничи, местность (в основе – древнее вепс. личное имя \**Hong(oi)* < вепс. *hong* «сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна») (ДК 1628) и Юбеничи, сенокосное угодье (в основе – древнее вепс. личное имя \**Hübjoi* < вепс. *hübj* «сова, филин»<sup>3</sup>) (НАРК. Ф. 27, оп.3, д. 74/664, л. 16 об.). Присутствие подобных топонимов может говорить о наличии в XII-XIII вв. прибалтийско-финских (древних вепсских) поселений на оз. Тудозере и на р. Андоме в районе д. Альчино. Согласуется это и с археологическими данными: средневековые (IX-XII вв.) древности поселения Тудозеро-V (в т.ч. горшки ладожского типа) археолог А.М.Иванищев относит к финским древностям (Иванищев 2000: 38). Отметим также, что, по всей видимости, названия Гонгини-

чи и Юбеничи были перенесены древними вепсами с р. Оять, где также имеются д. Гонгиничи и д. Юбеничи (вепс. Hübjoil).

К топонимам карельского (собственно-карельского) происхождения в андомском крае, в свою очередь, относятся: Вянгрека, Вянгозеро (vengi «ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока»), Гангасболото (hangas «развила, развилка», подтверждается формой объекта), Колтога, покос (ср. ливвиковское kalto «перекос», собств.-карел. kalitto «косой, наклонный» подтверждается характеристикой объекта), Новздручей, Ноздрега, река (новз- < nouzim «родник»<sup>3</sup>).

О переселении карел в андомский край свидетельствуют данные ономастики: имена дворохозяев – Тораско Кореленика и Максимки Корелы (ПК 1583: 242-243), ойконим Корелы (СНМ 1873: 54), фамилия Шведов (д. Деревягино) (НАРК. Ф. 27, оп. 3, д. 23/231, л.37), которая может свидетельствовать о переселении предка со шведских земель<sup>5</sup>.

В контексте массовых миграций карел с территорий, занятых Швецией в XVII в., понятна также фраза нашего информанта о том, что в с. Андома раньше жили «шведы».

Славянское население проникает в андомский край достаточно рано. Небольшая группа славянского населения обосновалась, по археологическим данным, на Тудозере не позднее VIII в. (Иваишцева 2010: 40). Однако, активное русское (псковско-новгородское) освоение Карелии, приведшее к изменению этнической ситуации, начинается не ранее XIII в. (Мулонен 2006: 130).

С этого времени происходит постепенное усвоение прибалтийско-финских топонимов русским языком. Одним из способов которого является прямая адаптация – усвоение звучания названия: например, Лепоя < \*Leroja.

Другим типом усвоения прибалтийско-финских топонимов русским языком является полное или частичное калькирование.

Образующиеся в результате частичного калькирования полукальки свидетельствуют о постепенном (через стадию двуязычия) обрусении прибалтийско-финского населения (Муллаонен 2002: 135-136). В андомском крае наиболее часто встречаются следующие модели полукалек: -озеро (Габозеро); -ручей (Кивручей); -мох, -болото (Тервомох, Лемболото).

Однако, в некоторых случаях в современных топонимах нам удалось обнаружить следы прибалтийско-финских детерминантов:

Пусторской обой, залив р. Самины у д. Пустошь < вепс. \*Pustar' < \*Pustjär'v, от *pust* «пустошь» и *jär'v* «озеро»;

Лансболото, исток Ландручья < \*Landso, от собств.-карел. *lantto* «понижение, ложбина; низменный, низинный, низкий; мелкий, неглубокий» или от саам. *landtD* «пруд» и вепс., кар. *so*, *suo* «болото». Вероятно, в современной форме топонима отразилась ошибка перевода – ср. вепс. топоним *Subso* (район Шимозера), связанный с саам. *surb* «осина» и вепс. *so* «болото», на топокартах обозначаемый как Супсболото (вместо ожидаемого Субболото, Супболото).

Интерес представляет также адаптация прибалтийско-финских топонимов по типу полного калькирования, то есть буквального перевода иноязычного названия. Нами выявлено несколько случаев переводных топонимов – вепско-русских калек:

- «д. в Сосновцах, на усть ручейка Елисеевской, в Гонимичах» (ПК 1628), при *hong* – «сухая сосна»;
- «д. на Лисье горе Фролков след» (ПК 1563: 191), соотносимая с поляной *Reboсельга* < \*Reboisel'g, от *reboi* «лиса», *sel'g* «поросшая лесом гора, сельга».

- названия смежных деревень в с. Слобода – Гора (располагалась на холме) и Берег (Побережье) (располагалась у подножья холма и не находилась поблизости от водных объектов), являющиеся, по всей видимости, переводами вепсских оригинальных топонимов \*Mägi (< mägi «гора, холм, возвышенность») и \*Rand (< rand «подножье горы»). Однако, при переводе ойконима Rand было учтено более известное значение вепсской лексики – «берег».

Поскольку фиксация параллельных названий одного и того же объекта, представляющих собой разноязыкие корреляты, как правило, происходит при наличии двуязычия (Матвеев 2001: 113-114), то с учетом одновременной фиксации форм Гонгиничи и Сосповицы можно заключить, что в первой трети XVII в. в пределах Андомского погоста (на озере Тудозеро) имелось двуязычное население, говорившее на вепском и русском языках.

Разновидностью калек являются также метонимические калки – одинаковые в плане содержания, но различные в плане выражения (разноязычные) обозначения смежных объектов. В андомском крае нами выделены следующие примеры подобных калек:

- д. Кошкино в истоках руч. Ажручей (< \*Кажручей < \*Kažioja), при вепс., людиновском, ливвиковском, собств.-карел. kaži «кошка, кот».
- д. Янишево на оз. Заицком (название конца XVIII в., в настоящее время – оз. Троицкое), при вепс. прозвище Jäniš – Заяц.
- находящиеся поблизости друг от друга покосы Сальма и Каменный Угол, при вепс. saim «угол дома».

Согласно нашим полевым данным, микротопонимия прибалтийско-финского происхождения также хоро-



шо сохранилась в андомском крае, пример тому – названия небольших водотоков и урочищ, полян и покосов: покос Габсельга < вепс. \*Habsel'g, «осиновая сельга»; покос Лепоя < вепс. \*Leroja, «ольховый ручей».

Таким образом, наличие переводных топонимов (калек и полукалек) свидетельствует о двуязычии и постепенном обрусении прибалтийско-финского населения, а сохранение микротопонимов прибалтийско-финского происхождения свидетельствует о значительном вепсском присутствии и относительно позднем обрусении населения, поскольку микротопонимия отличается высокой изменчивостью и подвижностью (Муллонен 2002: 95, 135; Муллонен 1994: 128, 129).

**Данные антропонимики.** Автором статьи на основе анализа писцовых книг Обонежской пятины 1563 и 1583 годов (ПК 1563, ПК 1583) на территории Андомского погоста-округа выявлено или восстановлено по названиям населенных пунктов более 20 антропонимов, имеющих прибалтийско-финское происхождение. Среди них: прозвища и дохристианские имена – Гуйкут (\*Guikut), Мустой (Mustoi), Ребуй (Reboi); варианты христианских канонических имен – Григуй (Grigoi), Микуй (Mikoi), Терой (Teroi) (Соболев 2009).

Отметим, что прибалтийско-финские формы имен и прозвища использовались и позднее, о чем свидетельствует, например, фамилия Софоихин, бытовавшая в Замошском сельском обществе в XX в. В основе фамилии – прозвище Софоиха (дочь или жена Софоя < вепс. или кар. \*Sofoi – рус. Софон).

**Дополнительные примеры.** В говорах андомского края имеется более 200 слов, имеющих прибалтийско-финское (вепсское и карельское) происхождение (подробнее см.: Соболев 2010).

По мнению А.С. Мызникова, в русских говорах Оболенья «слова прибалтийско-финского происхождения представляют субстрат, т.е. основной их корпус вошел в говоры в результате перехода носителей прибалтийско-финских языков на русскую речь» (Мызников 1997). О субстрате<sup>6</sup>, по его данным, свидетельствует:

1. Наличие большого числа оноματοпоэтических экспрессивных глаголов с большим числом синонимов, что является лексической избыточностью.

Согласно нашим полевым данным, в апдомских говорах к таким глаголам относятся, например, следующие, объединенные значением «ворчать»: арандаты, варандаты, вырандаты (< вепс. areita, äraita «ворчать, рычать»), борандаты (< вепс. buraita «ворчать, бурчать; урчать»), бузяндаты (< вепс. buzeita «жужжать»), кярендаты (< вепс. käreita «сердиться»), кырендаты (< вепс. koraita «храпеть; квакать»), рабандаты (< вепс. robaita «шуметь; шуршать»), урандаты (< вепс. uraita «рычать; урчать»), фузяндаты (< вепс. fuzaita «шуметь (о кипящем самоваре)»).

2. Наличие неископных наименований частей тела.

В соответствии с собранными нами материалами, на андомском материале это можно проиллюстрировать следующими примерами: кабры (< вепс., людиновское kobr, собств.-карел. kobra «горсть, пригорошня; рука, ручища (пренебр.)») – «горсть; рука, ручища (пренебр.)»; шимы (< вепс. šimakad «растрепанные волосы») – «растрепанные волосы».

Столь большое количество прибалтийско-финских слов, активно употребляющихся в настоящее время на Ояти, в Заонежье, в Пудожье и на Вытегре – итог скрещивания восточнославянской и прибалтийско-финской этнолингвистических групп, последняя из которых постепенно перешла на русскую речь (Герд 1975: 193-194).

Таким образом, данные языкознания, в совокупности с данными археологии и истории, свидетельствуют о том, что на территории Андомского погоста длительное время сосуществовали группы прибалтийско-финского (вепсского, карельского) и восточнославянского (русского) населения, оседавшие здесь в результате неоднократных миграций, при этом удельный вес прибалтийско-финского населения долго сохранял крайне высокие значения. Межэтнические браки, ослабление, а затем и утрата связей с основным этническим ареалом у вепсов и карел привели к появлению в крае двуязычного населения, владевшего как вепсским / карельским, так и русским языком. Процесс смены языка (с вепсского / карельского на русский) и этнического самосознания в различных населенных пунктах не был одновременным и растянулся в андомском крае на довольно длительный период времени, завершившись, вероятно, в XVIII-XIX вв. Однако, следы вепсского и карельского языка еще заметны в живой речи андомцев и топонимии края.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> в данной статье мы не касаемся имеющихся на данной территории пластов топонимии доприбалтийско-финского происхождения.

<sup>2</sup> карельские и вепсские языковые данные взяты из следующих источников: ПФГЛК, СВЯ, СКЯ, ССКГК, LS.

<sup>3</sup> антропоним \*Hübjoï восстановлен И.И. Муллонен как основа названия вепсской д. Юбеничи (Муллонен 1994: 87).

<sup>4</sup> устное сообщение И.И. Муллонен.

<sup>5</sup> переселения карел из северо-западного Приладожья в Обонежье были связаны с Ливонской войной, опричиной, швед-

ской оккупацией Корельского уезда 1580-1597 гг., передачей Швеции Корельского уезда в 1609 г. и заключением Столбовского мирного договора 1617 г. (Кузьмин 2008: 28).

<sup>6</sup> субстрат лексический – весь корпус неисконных лексем, представляющий собой результат прямых межъязыковых взаимодействий, следствие билингвизма и перехода с одного языка на другой (Мызников 2004: 27).

## ЛИТЕРАТУРА

**Винокурова И.Ю.** 2007. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.

**Герд А.С.** 1975. Русские говоры в бассейне реки Оять. – Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда. С. 188-194.

**Иванищев А.М.** 2000. Древности Вытегории. – Вытегра. Вып. 2. Вологда. С. 11-42.

**Иванищева М.В.** 2010. «Картинки с выставки» – Вытегра. Вып. 4. Вологда. С. 13-44.

**Кузьмин Д.В.** 2008. Достаточно ли емских теорий? – *Opomastica Uralica* 7. Debrecen – Helsinki. С. 23-36.

**Матвеев А.К.** 2001. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург.

**Муллонен И.И.** 1994. Очерки вепсской топонимии. СПб.

**Муллонен И.И.** 2002. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск.

**Муллонен И.И.** 2003. Старое Заонежье: вепсское или карельское? – Кижский вестник. Петрозаводск. № 8. С. 211-217.

**Муллонен И.И.** 2006. Формирование этнолингвистической карты Карелии. – Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Т. 2. Петрозаводск. С. 130-132.

**Мызников С.А.** 1997. Об ареальных аспектах изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. – Рябининские чтения-1995. Петрозаводск. – <http://kizhi.karelia.ru>

**Мызников С.А.** 2004. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.

**ПК 1563** = Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. 1930. – Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Л.

**ПК 1583** = Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. 1993. – История Карелии в XVI-XVII вв. в документах. Петрозаводск – Йоэнсуу. Т. III. С. 35-341.

**ПК 1628** = Писцовая книга 1628-1629 гг. 1850. – Олонецк. губерн. ведомости. 1850. № 44.

**ПФГЛК** = Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. 1991. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск.

**СВЯ** = Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972. Словарь вепского языка. Л.

**СКЯ** = Словарь карельского языка: Ливвиковский диалект. 1990. Петрозаводск, 1990.

**СНМ 1873** = Списки населенных мест по сведениям 1873 г. Олонецкая губерния. 1879. СПб.

**Соболев А.И.** 2009. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста. – Геокульт-

турное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Архангельск. С. 300-358.

Соболев А.И. 2010. Лексика прибалтийско-финского происхождения в андомских говорах. – Вытегра. Вып. 4. Вологда. С. 253-296.

ССКГК = Словарь собственно-карельских говоров Карелии. 2009. Петрозаводск.

LS = *Lyydilaismurteiden sanakirja*. 1944. – *Lexica Societatis Fenno-ugricae*. Helsinki.